

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

П Р И Б А В Л Е Н І Я
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 4.

15-го Февраля

1877 года.

О сравнительномъ достоинствѣ домашняго и общественнаго воспитанія.

Въ настоящее время едвали можно встрѣтить возраженія противъ того педагогическаго принципа, что главная и основная задача воспитанія состоитъ въ образованіи всего разумно-свободнаго существа человѣка, въ нравственномъ воспитаніи живой человѣческой личности. Всѣ лучшіе современные педагоги согласно говорятъ, что воспитаніе, независимо отъ того, каково будетъ виѣшнее положеніе воспитываемаго, должно прежде всего стараться сдѣлать изъ него гармонически развитаго человѣка въ предѣлахъ, поставляемыхъ индивидуальностію каждаго, — что въ каждомъ должно

видѣть и воспитывать прежде всего человѣка, развивать въ немъ всѣ лучшія, божественныя стороны его природы, — что въ человѣческомъ организмѣ ни одна сила не должна быть изолирована, а должна состоять въ гармоніи съ цѣлымъ организмомъ и занимать указанное ей природою мѣсто. Но, сходясь въ опредѣленіи цѣли воспитанія, педагоги расходятся относительно средствъ достиженія этой цѣли. Одни изъ нихъ признаютъ лучшей воспитательной сферой семью, причемъ указываютъ на огромное значеніе женщины въ дѣлѣ воспитанія, такъ что безъ ея участія невозможно, по ихъ мнѣнію, усовершенствованіе соціальныхъ формъ жизни, другіе не признаютъ за семьей особенно важнаго значенія въ воспитаніи; они, напротивъ, книги и школы считаютъ почти единственными рычагами воспитанія и образованія; иные же педагоги только философствуютъ о воспитаніи и теряются въ абстрактности разныхъ нравственныхъ принциповъ, не принося существенной пользы самому дѣлу. Чтобы видѣть, которое изъ этихъ мнѣній наиболѣе справедливо, обратимъ вниманіе на условія правильного воспитанія и на требованія современной педагогики, --- покажемъ, какое воспитаніе: домашнее, или общественное наиболѣе гарантируетъ выполненіе этихъ условій и требованій. Послѣ этого, сравнительное достоинство домашняго и общественнаго воспитанія откроется само собою.

Одинъ изъ основныхъ воспитательныхъ принциповъ, безъ котораго, по мнѣнію лучшихъ педагоговъ, не можетъ быть никакое педагогическое дѣло, есть принципъ индивидуальности, т. е. требованіе сообразовать всѣ воспитательныя мѣры и приемы съ личными свойствами, качествами, предрасположеніями, силами и воспріимчивостію ученика. Здѣсь отъ педагога требуется и знаніе природы человѣка во всѣхъ ея безконечно-разнообразныхъ проявленіяхъ и умѣніе

влиять (*) на существо почти не мыслящее, и влиять нравственно, а не силой физической, все губящей и разрушающей своимъ давленіемъ, и не обыкновенное терпѣніе, доходящее нерѣдко до полнаго самоотверженія. Безъ этихъ условій можетъ совершиться такое насильственное обращеніе съ питомцемъ, что все воспитаніе превратится въ подавленіе дѣтской личности, за самостоятельность которой говорятъ всѣ новѣйшіе педагоги. Поэтому воспитателю необходимо изучить законы тѣхъ психическихъ явленій, которыми онъ хочетъ управлять, и поступать, соображаясь съ этими законами и тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ хочетъ приложить ихъ; такъ какъ не только обстоятельства эти безконечно-разнообразны, но и самыя натуры воспитанниковъ не походятъ одна на другую. Можно-ли еще при такомъ разнообразіи обстоятельствъ воспитанія и воспитываемыхъ личностей предписывать какіе нибудь общіе воспитательные рецепты? Очевидно, здѣсь не можетъ быть ни какого одного, общаго для всѣхъ метода; для каждаго ребенка требуется особый, индивидуальный методъ, строго приспособленный къ душевнымъ его силамъ. Разумность этого требованія основывается на томъ фактѣ, что даже въ дѣтяхъ одного отца

(*) Здѣсь имѣеть огромное значеніе такъ называемый педагогическій тактъ, безъ котораго воспитатель, какъ бы онъ ни изучилъ теорію педагогики, никогда не будетъ хорошимъ воспитателемъ-практикомъ; этотъ тактъ есть въ сущности не болѣе, какъ тактъ психологическій, который нуженъ педагогу и вообще всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ или иначе думаютъ дѣйствовать на душу другихъ людей. Педагогическій тактъ есть только особое приложеніе такта психологическаго; его специальное развитіе—въ области педагогическихъ понятій.

и матери всегда есть разнообразіе силъ и способностей и что развивать ихъ правильно въ двухъ родныхъ братьяхъ одними общими мѣрами невозможно. Напротивъ бываетъ часто необходимо, иногда тотъ, иногда другой педагогическій приѣмъ прилагать къ дѣлу даже въ тождественныхъ случаяхъ, смотря по характеру воспитанника, а иной разъ и по другимъ случайнымъ соображеніямъ. Едвали найдется хотя одна педагогическая мѣра, въ которой нельзя было-бы найти вредныхъ и полезныхъ сторонъ и которая не могла-бы дать въ одномъ случаѣ полезныхъ результатовъ, въ другомъ вредныхъ. Вотъ почему педагогу необходимо сколько возможно тщательно изучить физическую и душевную природу человѣка вообще, изучить своихъ воспитанниковъ, всѣ подробности ихъ жизни и окружающія ихъ обстоятельства. Для истиннаго педагога нѣтъ, не должно быть и не можетъ быть ничего ничтожнаго въ воспитаніи. Такъ называемыя мелочи, на которыя нерѣдко совсѣмъ не обращаютъ вниманія, своей массой и постоянствомъ своего вліянія нерѣдко дѣйствуютъ на дѣтей сильнѣе самыхъ энергическихъ мѣръ воспитанія. Мелочи эти въ цѣлой массѣ образуютъ сильный и твердо сложившійся осадокъ въ личности, онѣ образуютъ нѣкоторый темный грунтъ, на которомъ впоследствии развивается характеръ. Итакъ, воспитатель долженъ быть зоркъ, внимателенъ въ отношеніи къ дѣтской личности и даже самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ, по видимому, ея явленій. Въ воспитаніи нѣтъ мелочей, которыя не заслуживали бы вниманія воспитателя.

Это всестороннее изученіе дѣтской личности, выходя изъ сущности и характера субъективнаго принципа, имѣетъ самое широкое примѣненіе въ воспитательной дѣятельности; при такомъ изученіи воспитатель будетъ въ состояніи подчерпнуть въ самой природѣ человѣка средства воспитатель-

наго вліянія. А средства эти громадны!—Зная жизнь и характер дитяти, воспитатель очень вѣрно можетъ предсказать, какъ подѣйствуетъ на него данное впечатлѣніе, какія чувства и желанія въ немъ вызоветъ и въ какихъ дѣйствіяхъ обнаружится. При незнаніи же дѣтской личности воспитаніе едвали можетъ сопровождаться хорошими результатами. Опытъ показываетъ, что изъ подъ ферулы у отличныхъ воспитателей выходили иногда самые дурные люди, и виновниками нравственной порчи этихъ людей были сами воспитатели, незнакомые съ физическими и психическими свойствами человѣческой природы и своихъ воспитанниковъ.— Но гдѣ эти условія правильнаго воспитанія удобнѣе могутъ быть выполнены, гдѣ психологическій элементъ, который имѣетъ такое огромное значеніе въ воспитаніи, можетъ имѣть болѣе широкое и удобное приложеніе,—видѣть нетрудно. Семья есть лучшая сфера для примѣненія этого педагогическаго принципа. Въ семьѣ есть возможность ближе слѣдить за воспитаніемъ питомца, который не смѣшивается здѣсь, какъ въ школѣ, съ пестрой толпой другихъ дѣтей; въ школѣ же всестороннее изученіе воспитываемыхъ личностей чрезвычайно трудно, чтобы не сказать вполне невозможно. Вслѣдствіе этой невозможности строгаго приложенія принципа индивидуальности въ общественномъ воспитаніи оно ниже, по своему достоинству, домашняго воспитанія и въ дѣлѣ образованія самаго характера человѣка. На форманцію характеровъ, кромѣ многихъ случайностей, имѣютъ громадное вліяніе главнымъ образомъ два фактора: вліяніе врожденныхъ особенностей организма и въ особенности нервной системы, и вліяніе впечатлѣній жизни. Общее состояніе здоровья, большая или меньшая степень впечатлительности, раздражительности, подвижности и проч., безъ сомнѣнія,

оказываютъ вліяніе на психическую жизнь ребенка и ея результаты; но несомнѣненъ тотъ фактъ, что каковы бы ни были врожденные задатки характера, воспитаніе и вообще жизнь со всѣми своими вліяніями на человѣка можетъ сильно измѣнять ихъ. Но здѣсь роль общественнаго воспитанія самая незначительная; потому что только при домашнемъ воспитаніи можно вѣрно подмѣтить индивидуальныя особенности питомца и пользоваться ими въ дѣлѣ образованія его характера.

Другая причина несостоятельности общественнаго воспитанія въ данномъ случаѣ — въ образованіи характера — заключается въ преобладаніи въ этомъ воспитаніи теоретическаго элемента, между тѣмъ какъ для образованія характера необходима практическая жизнь сердца и воли. Эту простую и очевидную истину часто забываютъ воспитатели и наставники, думающіе моральными наставленіями образовать сердце и волю дитяти. Эти наставленія вносятъ только свою долю образованія въ развитіе ума, но могутъ быть такъ усвоены умомъ, что не окажутъ ни малѣйшаго вліянія на сердце и волю дитяти, въ которыхъ могутъ образоваться въ тоже время задатки, крайне противоположные смыслу моральныхъ сентенцій. Нравственному чувству юноша не можетъ научиться: онъ можетъ лишь упражнять его на дѣйствительныхъ случаяхъ; стимуломъ воли долженъ быть самостоятельный разумный выборъ желаемыхъ цѣлей; иначе, будетъ развиваться лишь пассивная воля, которая дѣлаетъ человѣка автоматомъ. Поэтому преобладаніе отвлеченнаго элемента въ общественномъ воспитаніи можетъ быть весьма вредно для дѣтей.

Очень часто случается, что элементы характера того или другаго человѣка не получаютъ подлежащаго развитія именно потому, что человѣкъ этотъ жилъ преимущественно

въ умственной сферѣ. Живя по преимуществу умомъ, онъ не только мало жилъ сердцемъ и волею, но мало и думалъ о томъ, какъ онъ жилъ ими. Онъ знаетъ многое обо всемъ, но о самомъ себѣ слишкомъ мало. Результаты его сердечной жизни были немногочисленны и слабы, да и о тѣхъ ему некогда было хорошенько подумать, такъ какъ главный интересъ его жизни былъ въ умственной сферѣ. Тамъ же у него выработался и сильный характеръ; но односторонній, узкій, удовлетворяющій только потребностямъ умственной жизни, нравственную же жизнь свою онъ не цѣнилъ высоко, не всматривался въ ея явленія и не заботился о должномъ ея развитіи; поэтому неудивительно, что характеръ его остался не достаточно окрѣпшимъ и сформированнымъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ дѣйствительной жизни встрѣчаются люди съ тонко развитымъ умомъ; но съ крайне испорченнымъ сердцемъ, что весьма рельефно обнаруживается въ ихъ поступкахъ. Такъ нравственное перяшество встрѣчается, къ сожалѣнію, нерѣдко у людей ученыхъ и даже необыкновенно умныхъ. Но такое воспитаніе, почти исключительно заботящееся объ образованіи ума, дѣлаетъ въ этомъ случаѣ большой промахъ; ибо чловѣкъ-болѣе чловѣкъ въ томъ, какъ онъ чувствуетъ, чѣмъ въ томъ, какъ онъ думаетъ. Чувствованія, а не мысли составляютъ средоточіе психической жизни чловѣка, и въ ихъ то образованіи воспитатель долженъ видѣть свою главную цѣль. „Отъ сердца исходятъ помышленія злая“, говоритъ слово Божіе; поэтому не развивать чувства, значить вносить въ самомъ началѣ дисгармонію въ общее воспитаніе чловѣка. — Весь колоритъ, весь характеръ жизни чловѣка зависитъ отъ правильности развитія этой именно способности. Можно быть геніальнымъ чловѣкомъ, и по недостатку чувства, дѣлать много зла; и на оборотъ, можно, по порывистости страстей,

глубоко упасть, даже впасть въ преступленія; но чувство если оно есть, рано или поздно, способно извлечь человѣка изъ тины зла. Человѣкъ, въ которомъ тепло и глубоко чувство, даже посреди самой порочной жизни, ближе къ совершенству, нежели эгоистъ, никогда не увлекавшійся и не впадавшій въ ошибки.

Самая лучшая школа для пробужденія и развитія чувства есть, безъ сомнѣнія, родительская любовь, но не тупая, безоглядная любовь, которая ставитъ себѣ цѣль счастье ребенка въ настоящую минуту, независимо отъ того, что изъ него будетъ впоследствии, и не та эгоистическая любовь, которая видитъ въ ребенкѣ одно только собственное благосостояніе и тщеславіе, а любовь разумная, соединенная съ пламеннымъ желаніемъ ребенку того идеальнаго внутренняго совершенства, къ которому стремятся сами родители. Такая любовь и одна такая любовь способна въ высокой степени пробудить и развить въ душѣ дитяти чувство. Въ этомъ заключается сильнѣйшее доказательство пользы домашняго воспитанія для перваго возраста.

Человѣкъ, дѣтство котораго протекло подъ взоромъ любящей, умной и просвѣщенной матери, никогда не можетъ въ такой мѣрѣ утратить нравственное чувство, какъ тотъ, кто выросъ, незнакомый съ благотворнымъ вліяніемъ материнской любви. Анализировать это вліяніе, показать почему оно такъ сильно, что въ состояніи даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, поддержать человѣка не давая въ немъ вполне заглухнуть челоуѣчности—почему невозможно, да если бы и было легко, то ни къ чему не повело бы; потому что вліяніе материнской любви ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть замѣнено другимъ равнымъ сильнымъ вліяніемъ.

Неотразимая сила материнской любви лежитъ въ

непосредственности и естественности. Мать любит ребенка не за то, что онъ слабъ, не за то, что онъ красивъ, не за то, что онъ забавенъ, остроуменъ и т. д., — она любитъ его, потому что она — мать; не любить его она не можетъ, какъ не можетъ не дышать воздухомъ. Поэтому любовь ея становится атмосферою для нравственного міра дитяти, атмосферою, которую оно вдыхаетъ всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ и которая возбуждаетъ въ немъ чувство добра. Память о материнской любви долго остается у дѣтей тѣсно связанною съ движеніями сердца: чувство добра, уже вполне пробудившись въ самихъ дѣтяхъ, еще долго послѣ того, какъ будто признаетъ зависимость своего первоначальнаго пробужденія отъ любви матери. Дитя, еще долго послѣ того, какъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ собственнаго чувства, связываетъ съ движеніями своего любящаго сердца представленіе о нѣжной матери, научившей его любить. Иногда, эта память сердца сохраняется даже въ юношескомъ возрастѣ, и чѣмъ далѣе сохраняется она, тѣмъ человекъ безопаснѣе отъ обольщеній эгоизма и чувственныхъ страстей, тѣмъ онъ гуманнѣе, чище, непосредственно-нравственнѣе. Этого оживляющаго элемента недостаетъ въ общественномъ воспитаніи. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о безусловной вѣрѣ дитяти въ учителей и непрестанной любви и заботахъ послѣднихъ о дѣтяхъ; а слѣдовательно, нравственное существо дѣтей не можетъ такъ просто и естественно развиваться въ школѣ, какъ въ семействѣ.

Домашнее воспитаніе представляетъ болѣе условій для выполненія, — а слѣдовательно, имѣетъ большее достоинство сравнительно съ общественнымъ воспитаніемъ. — и другихъ важныхъ требованій правильнаго воспитанія. Педагоги согласно говорятъ — и совершенно справедливо, — что религіозно-нравственное воспитаніе вѣнчаетъ всѣ труды воспи-

тателей и опредѣляетъ въ питомцѣ внутреннюю его цѣнность, какъ челоѣка, что религіозно-нравственное чувство должно пробуждать и развѣвать въ челоѣкѣ какъ можно ранѣе, что нравственный его характеръ не можетъ быть чѣмъ нибудь извнѣ ему навязаннымъ и не образуется изъ какихъ либо правилъ, уроковъ и правоученій, а зависитъ отъ вліянія впечатлѣній, полученныхъ въ дѣтствѣ, --- что добродѣтель живая вырастаетъ только на почвѣ нравственной свободы, что въ свободѣ души сила и корень добродѣтели и проч.; но гдѣ лучше семьи можно удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ раціональнаго воспитанія? --- здѣсь религія живетъ не въ одномъ виѣшнемъ и словесномъ ученіи, но наполняетъ самый воздухъ семьи и проникаетъ всю жизнь ея: она во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ домашней жизни. Всѣми памятными случаями, всѣми образами, всѣми внутренними потрясеніями она напечатлѣвается въ челоѣкѣ. Чтобы ни потерпѣлъ челоѣкъ, какъ-бы ни измѣнился, --- основаніе, глубоко въ немъ заложенное, будетъ всегда на своемъ мѣстѣ. Награда за добро и наказаніе за зло --- неизбежны въ школѣ, обязанной воздаяніемъ по закону общественному; въ семьѣ только добро можетъ расти для добра, а страхъ зла переходитъ въ инстинктъ челоѣческой. Самое наказаніе теряетъ здѣсь строгій видъ свой, истекая не изъ гнѣва или обязанности, а изъ чистой любви.

Но при этихъ важныхъ достоинствахъ, ставящихъ домашнее воспитаніе выше общественнаго, оно не лишено и многихъ недостатковъ, которые дѣлаютъ необходимымъ соединеніе съ домашнимъ воспитаніемъ и общественнаго воспитанія. Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ.

Впечатлѣнія, получаемыя нами въ дѣтствѣ, отнюдь не теряются изъ нашей души, даже тогда, когда онѣ не были поняты въ данное мгновеніе и остались безъ прямого по-

слѣдствія.---А если такъ, то для ребенка не все равно, чтобы ни совершалось съ нимъ самимъ и вокругъ него; между тѣмъ, многіе родители обыкновенно смотрятъ на дитя, какъ на существо, ничего не замѣчающее, и совершенно не мыслящее, и потому нерѣдко первый уходъ за дѣтьми и первое воспитаніе ввѣряютъ надзору лицъ, которыя часто не имѣютъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній относительно правильнаго воспитанія, что, разумѣется, вредно отражается на воспитываемыхъ ими. Эти лица часто бываютъ грубые, даже иногда низкіе и развратные люди, которые оставляютъ дитя выростать посреди примѣровъ гнѣва, споровъ, ссоръ и дикаго веселья, или предоставляютъ его самому себѣ.

Въ противоположность этому небреженію о дѣтяхъ многіе родители держатся принципа нѣжностей въ воспитаніи; но результатомъ этого „нѣжничанья“ бываетъ, большею частію, полифійшая безхарактерность, безсиліе личности. Поэтому, слишкомъ частое занятіе ребенкомъ, частый разговоръ съ нимъ, частое требованіе, чтобы онъ показывалъ свои маленькіе таланты, частое обращеніе къ нему и т. п. вредны ребенку, мѣшая образованію самостоятельной дѣятельности и не оставляя ему ни времени, ни сферы для самостоятельной жизни; водить ребенка постоянно на помочахъ очень вредно; рано или поздно, прійдется же его оставить, и тогда, вдругъ почувствовавъ себя на свободѣ, безъ руководителя онъ непременно будетъ спотыкаться и падать.

Исключительность и замкнутость домашняго воспитанія, изолированность ребенка отъ другихъ дѣтей вредны, кромѣ того, для дитяти въ томъ отношеніи, что онъ дѣлается, вслѣдствіе этой исключительности, неспособнымъ къ практической и общественной дѣятельности. Вступая въ жизнь и въ общество другихъ, человѣкъ, получившій только до-

машнее воспитаніе, спотыкается при каждом новомъ шагѣ, затрудняется при каждомъ новомъ условіи. Бываетъ также, что одиночество въ семьѣ совершенно усыпляетъ духъ дитяти, или наполняетъ его пустымъ высокомеріемъ, такъ какъ здѣсь ему не съ кѣмъ себя сравнивать.

Поэтому для дитяти необходима общественная жизнь въ средѣ ему подобныхъ,---необходима тѣмъ болѣе, что у него есть къ этому потребность; но эта высокая потребность не довольно принята во вниманіе при домашнемъ воспитаніи.

Не говоря о другихъ недостаткахъ домашняго воспитанія, не можемъ здѣсь не указать на одно средство наказанія, распространенное во всѣхъ странахъ и во во всѣхъ сословіяхъ, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно вредное для дѣтей,---разумѣемъ родъ наказанія посредствомъ возбужденія безсознательнаго, безотчетнаго страха. Родители и няньки, въ особенности наемныя,---чтобъ заставить дитя замолчать, или послушаться, или наконецъ, чтобъ наказать его за шалость,---зовутъ обыкновенно какое нибудь страшилище, или привидѣніе, или дѣйствительно показываютъ что нибудь страшное. Это страшилище, которое называютъ чернымъ или злымъ человѣкомъ, въ нашемъ отечествѣ получило такое обширное гражданство, что почти въ каждой провинціи оно встрѣчается въ особомъ образѣ, съ собственнымъ именемъ, создавшись или подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній, или изъ какого нибудь мѣстнаго повѣрья. Но наказывать дѣтей, страшая ихъ такими изобрѣтенными образами ужаснаго, есть противоестественность и безнравственность, въ которыхъ столь многіе безсознательно бываютъ участниками, не разсуждая ни о ихъ значеніи, ни о дурныхъ послѣдствіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если воображеніе дитяти будетъ наполнено суевѣрными мыслями и картинами вымысла, то

послѣднія лишь съ трудомъ искореняются впоследствии и, разъ привившись, остаются у нѣкоторыхъ до лѣтъ юности, или самага мужества. Наконецъ этотъ родъ наказанія весьма вреденъ и для здоровья ребенка,---вреденъ тѣмъ болѣе, чѣмъ дитя моложе. Нервная система ребенка должна быть оберегаема отъ рѣзкихъ впечатлѣній и сильныхъ потрясеній, по причинѣ разстройствъ, производимыхъ въ ней этими послѣдними. Но не скоро можно представить другое душевное потрясеніе, дѣйствующее разрушительнѣе страха и испуга. Бывали примѣры, гдѣ, вслѣдствіе овладѣвшаго ребенкомъ страха, случались судороги, обмороки, душевныя болѣзни и самая смерть.---Таковы бываютъ послѣдствія этого распространеннаго въ семействахъ наказанія дѣтей!

Что касается до тѣлесныхъ наказаній, то онѣ рѣдко употребляются въ домашнемъ воспитаніи. Здѣсь старинное мнѣніе, что вся сила воспитанія заключается въ розгѣ, по большей части, не имѣетъ практическаго приложенія. Но за то въ семействахъ нерѣдко проявляется тотъ ложный сентиментализмъ, въ силу котораго полагають, что ударъ розгою, нанесенный дитяти, оскорбляетъ его человѣческое достоинство. Матери часто, подъ вліяніемъ слѣпой любви къ своимъ дѣтямъ, совершенно равнодушно смотрятъ на всѣ ихъ шалости, прощаютъ даже довольно значительныя ихъ проступки. Прощеніе, конечно, весьма полезно: оно возбуждаетъ чувство благодарности и неразлучную съ нимъ рѣшимость исправиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно можетъ быть и весьма вредно: прощеніе можетъ превратиться въ слабую медлительность и уступчивость, что чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на воспитанника: развиваетъ въ немъ упрямство, себялюбіе, нравственную слабость и приготовляетъ въ немъ для общества человѣка вреднаго.

Изъ этихъ недостатковъ уже открывается несостоятель-

ность одного домашняго воспитанія для полнаго воспитанія человека и необходимость воспитанія общественнаго. --- Впрочемъ школа, въ которой дѣти получаютъ общественное воспитаніе, безъ пансіона, есть заведеніе, собственно говоря, болѣе учебное, нежели воспитательное. Въ школѣ воспитанники проводятъ лишь нѣсколько часовъ, а потомъ остаются внѣ прямаго педагогическаго надзора. Стало быть, за развитіе характера, за развитіе тѣхъ, или другихъ привычекъ въ воспитанникѣ гораздо болѣе должно отвѣчать домашне воспитаніе, нежели школа, такъ какъ то и другое непосредственно вырабатывается прямо, если не вполне, то въ значительно преобладающей степени подъ семейнымъ вліяніемъ. Воспитаніе ученика есть главнѣйшимъ образомъ результатъ условій семейнаго его быта, въ которомъ полагаются основанія и задатки для образованія характера и того или другаго направленія юноши. Но, не смотря на это, за школой нельзя не признать огромнаго воспитательнаго вліянія на дѣтей; вліяніе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ моложе воспитывающіяся въ школѣ дѣти, особенно, если они воспитываются въ школѣ, не получивъ прежде воспитанія въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ (что бываетъ, впрочемъ рѣдко).

Что касается до достоинства общественнаго воспитанія то нельзя не сознаться, что оно во многихъ отношеніяхъ имѣетъ преимущество предъ домашнимъ воспитаніемъ. Общественное воспитаніе противодѣйствуетъ развитію въ дѣтяхъ своенравія, упрямства, изнѣженности, эгоизма, тоскливости и апатіи, научаетъ ихъ уважать другія личности, поддерживаетъ терпѣніе, бодрость и веселость, способствуетъ къ искорененію въ учащихъ разныхъ предразсудковъ и вредныхъ привычекъ, знакомитъ ихъ съ семейными и гражданскими обязанностями и со всѣмъ тѣмъ, что можетъ способствовать улучшенію ихъ быта и возвышенію благосостоянія. Изъ этого

видно, что общественное воспитаніе, по характеру своему, представляетъ уже значительное отличіе отъ домашняго воспитанія: оно составляетъ уже простое дѣло семьи, а принимаетъ характеръ общественной жизни и имѣетъ цѣлю именно подготовленіе питомцевъ для вступленія въ общественную жизнь. Сообразно съ этою цѣлю общественное воспитаніе развиваетъ въ дѣтяхъ чувство законности, вызываетъ въ нихъ сознаніе необходимости порядка во всемъ и законосообразности въ дѣятельности, оно научаетъ воспитанника искусству самообладанія, умѣнью ограничивать себя и согласовать свою частную индивидуальную жизнь и потребности съ задачами общей жизни въ школѣ и въ семьѣ, а впоследствии въ обществѣ; оно содѣйствуетъ выработкѣ характера воспитанника и сообщаетъ ему добрые навыки, которые служили бы на пользу человѣку во всю его жизнь и содѣйствовали бы ему къ осуществленію здравыхъ началъ жизни; оно вызываетъ въ немъ сознательное стремленіе къ самоустроенію жизни своей и приготавливаетъ его къ жизни, къ разумному участию въ дѣлахъ общественныхъ. — Весьма важное достоинство общественнаго воспитанія состоитъ кромѣ того, въ приведеніи къ единству разнаго образа мыслей, характеровъ, обычаевъ, привычекъ и предразсудковъ, приносимыхъ дѣтьми изъ семей. Особенный духъ домашняго воспитанія бываетъ весьма полезенъ для образованія личнаго характера въ человѣкѣ; но доведенный до крайности, онъ можетъ быть вреденъ единству духа общественнаго.

Въ достиженіи этихъ важныхъ цѣлей общественное воспитаніе имѣетъ большее достоинство сравнительно съ воспитаніемъ домашнимъ. Средствомъ къ достиженію этихъ цѣлей служитъ дисциплина, безъ которой общественное воспитаніе не мыслимо. Дисциплина — это духъ школы, это воспитательный строй всякаго учебнаго заведенія, это — чисто

нравственное явленіе; она имѣетъ своимъ предметомъ устройство нравственной жизни воспитанника, словомъ, дисциплина могущественнѣйшее средство общественнаго воспитанія. Разумѣется, здѣсь все обусловливается правильной постановкой педагогическихъ принциповъ и послѣдовательнымъ примѣненіемъ ихъ ко всему воспитательному дѣлу, и дисциплина можетъ быть не столько полезна, сколько вредна въ воспитаніи, если она отличается полицейскимъ характеромъ и заботится только о формализмѣ, о внѣшнемъ порядкѣ, о субординаціи и т. п. и употребляетъ для этого средства чисто внѣшняго характера. Такимъ характеромъ, дѣйствительно, и отличалась дисциплина старой школы съ ея объективнымъ принципомъ. Еще не очень давно въ общественномъ воспитаніи царилъ полицейскій элементъ, и вся дисциплина была нечто иное, какъ система устрашенія и подавленія дѣтской личности. Тогда не было и рѣчи о принципѣ индивидуальности, о необходимости видоизмѣнять воспитательныя мѣры сообразно личнымъ качествамъ каждаго ученика и создавать новые приемы и факты дисциплинарнаго вліянія на воспитанниковъ. При такомъ характерѣ дисциплины въ общественномъ воспитаніи, разумѣется, немогла быть достигнута конечная цѣль нравственнаго воспитанія, и питомцы не приводились къ добровольному и сознательному выполненію своихъ нравственныхъ обязанностей. Но въ настоящее время въ дѣло употреблены иные мотивы, болѣе сообразны съ духомъ времени и опирающіеся на другіе принципы. Идея страха, царившая въ прежнее время въ общественномъ воспитаніи, теперь уже стала анахронизмомъ: она уже отжила свое время вмѣстѣ съ уничтоженіемъ розогъ, дисциплина имѣетъ теперь благородный, гуманный характеръ и основывается уже не на страхѣ, какъ старая дисциплина, но на нравственной связи воспитателя съ воспи-

танниками. Конечно, мысль о взысканіяхъ и наказаніяхъ не можетъ быть совершенно устранена, но эти наказанія уже не имѣютъ того карательнаго характера, какимъ онѣ отличались въ былыя времена.

Такимъ образомъ, общественное, воспитаніе, основанное на разумной педагогической дисциплинѣ, во многихъ отношеніяхъ имѣетъ большее достоинство сравнительно съ домашнимъ воспитаніемъ: оно формируетъ понятія о долгѣ и общественныхъ обязанностяхъ, искореняетъ многіе недостатки домашняго воспитанія, поддерживаетъ порядокъ, уничтожаетъ природную необузданность, такъ что воспитанникъ чрезъ это вводится въ сферу разумной, человѣческой свободы; оно подготовляетъ воспитанника къ будущей практической и общественной его жизни и проч.

Но при этихъ достоинствахъ общественное воспитаніе имѣетъ и немало недостатковъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Одно изъ существенныхъ условій успѣшности общественнаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы воспитатель пріобрѣлъ вѣрное, прочное нравственное вліяніе на дѣтей, которыя, по обыкновенію, нелегко поддаются авторитету каждаго новаго воспитателя. У дѣтей разсудокъ и сила воли еше слабы. Отвлеченные законы и убѣжденія здѣсь очень мало дѣйствуютъ. Самъ воспитатель долженъ быть для ребенка живымъ закономъ, и только въ личномъ вліяніи воспитателя на воспитанника скрывается источникъ силы первоначальнаго воспитанія. А между тѣмъ на дѣлѣ бываетъ не всегда такъ. Воспитатель часто находится во временныхъ, официальныхъ отношеніяхъ къ дѣтямъ; поэтому неудивительно, что все воспитательное вліяніе такого воспитателя выражается только въ ограниченіяхъ, стѣсненіяхъ, запрещеніяхъ и внѣшней дисциплинѣ, облегчающей его трудъ.

Нов мѣстѣ съ тѣмъ и вся дѣтская жизнь при такомъ воспитаніи принимаетъ какой то форменный характеръ, конечно, не имѣющій ничего общаго съ дѣломъ нравственнаго воспитанія. Жизнь ребенка становится постояннымъ церемоналомъ, который весь описанъ заранѣе.— Но когда же живутъ эти дѣти, когда развиваются?— Гдѣ нибудь тайкомъ отъ воспитателя, въ какомъ нибудь темномъ уголку, куда не проникаетъ его всенивелирующій взглядъ, въ тихомъ шопотѣ съ товарищемъ и т. д. проглядываетъ по временамъ эта жизнь и, конечно, проглядываетъ не въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлось бы разумному воспитателю. Такимъ образомъ форменная жизнь идетъ своимъ порядкомъ, а настоящее, дѣйствительное воспитаніе блуждаетъ тысячами другихъ. Очевидно, что такая жизнь не сулитъ многого.

Еще болѣе вредное вліяніе имѣетъ, какъ въ нашихъ закрытыхъ, такъ и въ открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ то отдѣленіе воспитательной части отъ учебной, которое у насъ почти вездѣ признается за правило. У насъ воспитатель и учитель въ одномъ и томъ же классѣ, болѣею частію, два лица не только различныхъ, но и противоборствующихъ. Это ведетъ къ тому, что ни воспитатель, ни учитель не имѣютъ никакого воспитательнаго вліянія. Кромѣ того, нѣкоторые изъ воспитателей смотрятъ на общественное воспитаніе, какъ на одну изъ отраслей администраціи и относятся къ своимъ воспитанникамъ начальническимъ тономъ. Неудивительно поэтому, что между воспитателемъ и дѣтьми нерѣдко является полнѣйшій антагонизмъ и нѣтъ той свободы и непринужденности, которыя освѣщали бы всѣ ихъ отношенія; нѣтъ откровенности, прямоты, теплаго участія и любви къ дѣтямъ. Оттого часто бываетъ что вмѣсто того, чтобы дѣйствовать авторитетомъ и любовію, гдѣ возможно, воспитатели употребляютъ тамъ угрозы и наказанія;

При выговорахъ употребляютъ оскорбительныя насмѣшки и намеки и многое т. под. Наконецъ, между самими воспитателями не всегда бываетъ солидарность; напротивъ, ихъ воспитательныя взгляды и цѣли часто бываютъ несогласны между собою, а это весьма вредно для дѣтей. Общественное воспитаніе только тогда можетъ достигъ хорошихъ результатовъ, когда между самими воспитателями существуетъ полнѣйшая солидарность въ ихъ взглядахъ на цѣль и средства воспитанія.

Сравнивая указанныя нами достоинства и недостатки домашняго и общественнаго воспитанія, обращая вниманіе на принципы, на которыхъ основывается то и другое воспитаніе, а также и на то, какое воспитаніе: домашнее или общественное наиболѣе гарантируетъ выполненіе существенныхъ требованій рациональнаго воспитанія, — нельзя не придти къ заключенію, что самое правильное воспитаніе для дѣтей есть воспитаніе домашнее, разумѣется, если семья заключаетъ въ себѣ условія для правильнаго воспитанія. — Въ семействѣ имѣютъ уваженіе къ самостоятельности особи, тамъ душа находитъ себѣ пищу и поле для развитія характера. Только тамъ можетъ быть оказано юному организму то особое попеченіе и дано то образованіе, которыхъ онъ требуетъ соотвѣтственно своимъ особенностямъ; только тамъ дитя находитъ просторъ и удобства для испытанія и образованія врожденныхъ въ немъ спеціальныхъ тѣлесныхъ свойствъ, душевныхъ наклонностей и дарованій. Его душа находитъ пищу не только въ собственной любви и во взаимности окружающихъ лицъ, но и въ единодушномъ раздѣлѣ семейныхъ радостей и печалей, въ добровольной подчиненности и въ готовности къ жертвамъ, для чего семейная жизнь представляетъ удобное поле, чего она даже требуетъ. Здѣсь дѣти

научаются благочестію и истинной любви къ ближнему, хотя ихъ собственно тому и неучать, а въ этихъ качествахъ они будутъ имѣть основаніе для всѣхъ послѣдующихъ отношеній; здѣсь лучше охраняется личность человѣка отъ всѣхъ постороннихъ внѣшнихъ вліяній и самый общій нравственный идеаль человѣка можетъ быть здѣсь тѣснѣе привить къ его личности. Общественныя воспитательныя заведенія бываютъ несостоятельны, большею частію, вслѣдствіе противорѣчія, заключающагося въ двойственности ихъ задачи—соединить въ себѣ для ребенка училище и домъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ только училища, и дѣятельность ихъ тѣмъ вреднѣе, чѣмъ моложе воспитывающіеся въ нихъ дѣти.—Но одного домашняго воспитанія недостаточно для человѣка. Въ людяхъ, получившихъ только домашнее воспитаніе, замѣчается почти всегда недостатокъ воли и неспособность къ практической дѣятельности; такіе люди часто проводятъ свой мирный вѣкъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда въ общественной жизни.—Рѣже встрѣчаются люди, воспитанные исключительно государствомъ. Здѣсь можетъ встрѣтиться другой недостатокъ: необходимость развивается на счетъ внутренней свободы, и человѣкъ способенъ превратиться въ одну внѣшнюю форму, лишениую живаго содержанія. Только въ самой тѣсной, въ самой неразрывной связи домашняго воспитанія съ общественнымъ заключается идеаль воспитанія совершеннаго!

Θ. Т.

С Л О В О

ВЪ НЕДЕЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

Человѣка два видоста въ церковь помолитися: одинъ фарисей, а другій мытарь (Лук. XVIII. 10).

Два человекѣ идутъ въ церковь помолитися, впереди идетъ фарисей. Фарисей—это строгій исполнитель Божьяго закона, но преимущественно внѣшней, обрядовой его стороны, это—законоучитель народа. Онъ идетъ въ церковь гордою поступью; самодовольство выражалось во всей его фигурѣ, сознание своей чистоты, правоты и святости свѣтилось на его лицѣ; глаза блестяли надменностью и презрѣніемъ къ ближнимъ. Онъ становится впереди другихъ, приближается къ самому святилицу. За фарисеемъ шествуетъ мытарь, —это, по нашему, сборщикъ податей, человекъ, презираемый всѣми за корыстолюбіе, за несправедливыя притѣсненія народа при взиманіи подати. Идетъ онъ тихо, во взорѣ его замѣтна сосредоточенность и самоуглубленіе; лицо покрыто непритворною грустью; голова, какъ бы отъ тяжести какой, склонялась на грудь. Сознание своей виновности и неправоты предъ Богомъ и передъ людьми не позволяли ему оглядѣться вокругъ себя и поднять взоръ къ небу. Скорбь о грѣхахъ, *печаль по Бозь* волновали его душу, стѣсняли грудь, захватывали дыханіе; слезы готовы были брызнуть изъ его глазъ. Онъ только переступилъ порогъ церковный и остановился, не смѣя идти далѣе.—Вошедши въ церковь, фарисей окинулъ здѣсь стоящихъ гордымъ взоромъ. Тутъ онъ увидѣлъ воровъ, неправедниковъ, прелюбодѣевъ, мытарей, и не нашель равнаго себѣ по благочестію и святости. Возведши взоръ свой къ небу, онъ началъ молиться такъ: „Боже! благодарю Тебя, что я не такой, какъ прочіе люди грѣшныя“. И за свою надменную, исполненную самовѣрія, молитву и за униженіе передъ Богомъ ближнихъ, хотя и

грѣшниковъ, получили осужденіе отъ Отца небеснаго.—Мытари же, занявъ въ церкви заднее мѣсто, началъ ударять себя въ грудь и взывать къ Отцу небесному: Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику! Слезы сокрушенія и раскаянія, подобно потоку, лились по его ланитамъ и омыли его грѣхи, и онъ вышелъ изъ церкви оправданнымъ.

И мы, братіе, ходимъ въ церковь и ходимъ не отъ нечего дѣлать, не для развлеченія, а чтобы помолиться. И наполняется церковь Божія не одними только праведниками и святыми; въ нее входятъ воры и неправедники, прелюбодѣи и нечестивые, фарисеи и мытари. И приходятъ одни раньше, къ началу богослуженія, а другіе позже, одни среди богослуженія, иные въ концѣ; одни приближаются къ самому святилищу—къ олтарю, другіе занимаютъ послѣднее мѣсто въ церкви. И какъ все мы не въ одно время входимъ въ церковь, такъ равно и не одинаково молимся. Кто часто осѣняетъ себя крестомъ и слегка наклоняетъ голову, кто съ благоговѣніемъ стоитъ, а кто небрежно: одинъ озирается кругомъ, разговариваетъ и смѣется; другой, устремивъ взоръ свой къ Богу, никого не видитъ, кромѣ Бога и святыхъ Его, ничего не слышитъ, кромѣ молитвъ и священныхъ пѣсногѣній; уста его то—и—дѣло шевелятся, тихо повторяя слова молитвъ церковныхъ. Но вонъ стоитъ человекъ, онъ какъ-то необыкновенно молится. Рука его, при совершеніи крестнаго знаменія, какъ бы прилипаетъ къ челу, не желая оторваться; опускаясь на грудь, она желаетъ какъ бы проникнуть внутрь—въ самое сердце; подымаясь къ плечамъ, она дѣлаетъ на нихъ глубокіе знаки крестнаго знаменія; повергаясь долу, чело его какъ бы прилипаетъ къ землѣ. Слезы струятся у него по ланитамъ. Видно, что для этого человека сладка молитва, что ему пріятно молиться.

Такъ, мы какъ не въ одно время собираемся въ храмъ, такъ и неодинаково молимся. Но чья молитва угоднѣ Богу, объ этомъ вѣдаетъ одинъ Богъ, только Ему всевѣдущему извѣстно расположеніе нашего сердца. И потому судить о достоинствѣ молитвы какъ своей, такъ тѣмъ болѣе ближнихъ нашихъ—мы не можемъ и не должны.

Не такъ, однакоже, бываетъ на дѣлѣ. Стоя въ церкви, мы часто обращаемъ вниманіе на то, кто какъ себя держитъ и кто какъ молится, и, къ удивленію, снисходительно относимся къ тѣмъ, которые разсѣянно стоятъ въ церкви. Напротивъ же осуждаемъ за глаза, а иногда въ лицо тѣхъ, которые чинно стоятъ въ храмѣ и съ благоговѣніемъ молится. Такихъ людей мы называемъ ханжами и фарисеями, и особенно когда за ними подмѣчаемъ грѣшки или когда о нихъ въ народѣ идетъ дурная молва. Но подумайте, братъ, хорошо-ли мы дѣлаемъ, осуждая нашихъ ближнихъ, хотя и грѣшниковъ, за благоговѣйную молитву въ церкви? Что же, неужели грѣшнику не нужно молиться? Потому-то онъ такъ усердно и молится, что—онъ грѣшникъ. Сознавая свою виновность предъ Богомъ, представляя свои великія грѣхонаденія, онъ, еще не доходя до церкви, можетъ быть, считаетъ себя недостойнымъ приблизиться къ храму, войти въ него, присутствовать въ св. мѣстѣ и не заслуживающимъ милостей Божиихъ, а напротивъ признаетъ себя достойнымъ всякаго презрѣнія и униженія и отъ Бога и отъ людей. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, онъ едва переступаетъ порогъ церковный, какъ слезы начинаютъ литься изъ его глазъ. И такой человекъ на нашихъ глазахъ ханжа, фарисей!... Странное дѣло! Богъ лобызаетъ въ грѣшникѣ сердце сокрушенное и молитву слезную, а мы негодуемъ на кющагося грѣшника, осуждаемъ его. Выходитъ, что мы становимся судьями дѣлъ ближнихъ нашихъ болѣе строгими, чѣмъ самъ Богъ.

Вотъ до чего мы стали доходить, православные, что христіанину и въ христіанскомъ храмѣ нельзя помолиться свободно, по желанію, по расположенію сердца. И точно, сотворить на себѣ крестное знаменіе съ благоговѣніемъ—бойся, положить лишній поклонъ—стыдись, заплакать во время молитвы—остерегайся, иначе прослывешь ханжею, фарисеемъ. Что же дѣлать въ церкви за богослуженіемъ? А вотъ что! Стой столбомъ; пожалуй, для развлеченія, вмѣсто креста, помахай рукою около своего лица, что уже въ обыкновеніи у очень многихъ; глазѣй по сторонамъ; можно пошмыгать и поговорить—такъ что-ли, христіане, мы должны вести

себя въ церкви? Стало бытъ такъ, если мы осуждаемъ и осмѣиваемъ благоговѣнно здѣсь стоящихъ.

Гдѣ же намъ молиться, плакать о грѣхахъ своихъ, исповѣдываться передъ Богомъ? Дома молиться, какъ извѣстно, препятствуютъ часто-то домашняя суета и хлопоты, то мѣръ, во злѣ лежащій, влечетъ иногда человѣка на новыя грѣхи, на иного рода преступленія. И такъ гдѣже? Преимущественно въ церкви. Церковь есть домъ молитвы (Лук. XX, 46), по ученію Господа нашего Иисуса Христа. Въ церкви невидимо присутствуетъ Богъ; здѣсь преимущественно Господь слышитъ наши моленія; здѣсь совершается страшная безкровная Жертва за грѣхи всѣхъ христіанъ живыхъ и умершихъ, здѣсь, наконецъ, всѣ молитвы, пѣнопѣнія и чтеніе изъ священ. Писанія направлены къ тому, чтобы расположить человѣка къ молитвѣ, къ покаянію, къ слезамъ. И вотъ грѣшникъ идетъ въ церковь къ Богу, кается предъ Нимъ и плачетъ,—и не напрасно! Онъ получаетъ отпущеніе грѣховъ своихъ и выходитъ изъ церкви оправданымъ. *Сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижитъ* учить Писаніе.

Молитва и слезы—самое лучшее средство, со стороны кающагося грѣшника, къ умилостивленію Бога. Такъ, царь Давидъ, Апост. Петръ, блудница и другіе очистили свои грѣхонаденія слезною молитвою. Притомъ, если Господь повелѣтъ намъ всегда и во всемъ прощать нашимъ ближнимъ: Онъ-ли Человѣколюбецъ, не приметъ искренняго покаянія отъ грѣшника и не проститъ ему согрѣшеній?

Впрочемъ, тѣ, которыхъ мы обзываемъ фарисеями, можетъ быть, люди не грѣшныя, можетъ быть, только намъ они кажутся такими, а ихъ жизнь несравненно выше и чище нашей. Стоять же они въ церкви съ глубокимъ смиреніемъ и лучше другихъ молятся потому, что такое поведеніе считаютъ приличнымъ христіанину и соответственнымъ святости мѣста. Они хорошо помнятъ, что за небрежное дѣланіе Божьяго дѣла слово Божіе подвергаетъ человѣка проклятію. Далѣе, можетъ быть, они смиренно молятся потому, что просятъ у Бога какой—либо милости, или благодарятъ Отца

небеснаго за Гто къ нимъ благодаренія, или, представляя всемогущество, безпредѣльное величiе и неизреченную милость Божию къ роду человѣческому, — они проливають слезы умиленія и повергаются въ прахъ, при сознаніи своего ничтожества и недостойнства передъ Богомъ. Мало-ли о чемъ можно молиться съ глубокимъ смиреніемъ и слезами не грѣшникамъ только, а и людямъ праведнымъ и святымъ. Мы знаемъ изъ церковной исторіи мужей, жизнь которыхъ была, можно сказать, свѣтлѣе солнца, но которые цѣлую жизнь плакали (Препод. Ефремъ, Фалатей и друг.). Они, значить, находили о чемъ молиться и плакать. Вѣдь это мы, по лѣности своей, не знаемъ о чемъ молиться; а люди богобоязненные всегда найдутъ о чемъ молиться и сѹмѣютъ какъ молиться.

„Но мы осуждаемъ людей съ напускнымъ благочестіемъ,“ говорятъ. Но почему мы знаемъ, кто мнимо и кто дѣйствительно благочестивый? Развѣ мы прозорливцы какіе? Что они, повидимому, грѣшнѣе другихъ? А мы безъ грѣха? мы праведные, святые? „Лицемеръ! вынь прежде бревно изъ своего глаза, и тогда увидишь какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего“ (Мѡ. VII, 5).

Изъ всего вышесказаннаго видите, братъ, что людей, благоговѣнно стоящихъ въ церкви и смиренно молящихся, никоимъ образомъ нельзя называть фарисеями, а тѣмъ болѣе смѣяться надъ ними.

Кто же фарисей? Фарисей, разумѣется, есть и между нами, только они совершенно иначе ведутъ и держатъ себя.

Фарисей, первѣе всего, были строгіе ревнители относительно исполненія закона Божія, но только внѣшнимъ, наружнымъ образомъ. Законъ обрядовый соблюдался ими въ точности. Преданія старцевъ, т. е., человѣческія, совершенно ненужныя и бесполезныя въ нравственномъ отношеніи и часто противорѣчащія прямому смыслу Закона, они поставляли выше самаго, Богомъ даннаго, Закона (Мѡ. VII, 7—12). Впрочемъ, они соблюдали отчасти самый законъ нравственный, только не по Божьему, а по человѣчески: они хотѣли и Богу угодить, и отъ людей получать похвалу, и жить въ довольствѣ и безъ печали. Такъ напр., фарисей постился два раза

въ недѣлю, но неискренно, потому что въ дни поста принимали видъ печальный, унылый, съ тою цѣлю, чтобы люди знали о ихъ пощеніи; отдавали десятую часть изъ того, что приобретаѣли, на церковь и подавали милостыню, но не тайно, а публично, и это для того, чтобы другіе называли ихъ милостивыми. Тѣмъ не менѣе они съ избыткомъ вознаграждали себя за жертвы на церковь и бѣдныхъ, тайно обирая вдовъ и сиротъ (Мѡ. XXIII, 14) и на судѣ за деньги оправдывая виновныхъ и осуждая невинныхъ (Мѡ. XXIII, 23 и Лук. XI, 42). Любили въ людныхъ мѣстахъ—въ синагогахъ и на улицахъ—продолжительно молиться (Мѡ. VI, 5), чтобы народъ считалъ ихъ святыми. Между тѣмъ они молились только одними устами, безъ внутренняго расположенія, безъ сердечной теплоты, безъ благоговѣнія къ молитвѣ (Мѡ. XV, 8). Фарисеи были учителями народа и истолкователями закона Божія (Мѡ. XXIII, 3) и любили, чтобы народъ не иначе называлъ ихъ, какъ только наставниками и учителями (—7); были крайне честолюбивы и горды, занимая первыя мѣста въ собраніяхъ (—6). Ложно почитая себя однихъ праведными предъ Богомъ, фарисеи почитали великою скверною сидѣть за однимъ столомъ съ мытарями и грѣшниками и даже не терпѣли приближенія къ себѣ грѣшниковъ, за что они не разъ осуждали Иисуса Христа (Мѡ. IX, 10—11 и Лук. XV, 2). Вообще они никого не считали выше себя по жизни и дѣламъ. Если же кто, не принадлежа къ ихъ партіи, отличался дѣйствительнымъ благочестіемъ и богоугодною жизнію и потому заслуженно пользовался уваженіемъ отъ народа, то фарисеи зависти ради старались всѣми мѣрами унижить того человѣка; добрыя дѣла его толковали въ дурную сторону, осмѣивали оныя и даже не стыдились прибѣгать къ лжи и клеветѣ. Такъ они поступили съ Христомъ Спасителемъ. Обличая и преслѣдуя другихъ за пороки, фарисеи сами не могли терпѣть обличеній ихъ беззаконной жизни. За эти обличенія они не разъ покушались схватить Господа Иисуса и побить камнями. Между тѣмъ они дѣйствительно были тайными беззаконниками. Такъ они со стыдомъ должны были оставить женщину, схваченную въ прелюбодѣяніи и приведенную ими къ Иисусу Христу, когда Го-

сподь, на слова ихъ побить обвиняемую камнями, предложилъ первымъ бросить камень тому, кто изъ нихъ не повиненъ въ грѣхѣхъ прелюбодѣянiя (Іоан. VIII, 3—10). Словомъ, фарисеи, при всей своей незаконной жизни, если и дѣлали добрыя дѣла, то не изъ любви къ добру, не для Бога и не для своей души, а для одной лишь славы отъ людей. Таковы были фарисеи, по сказанiю Евангелiя.

И между нами тѣмъ и фарисеи, которые живутъ и поступаютъ, какъ жили и дѣйствовали евангельскiе фарисеи. Такъ, многіе изъ насъ строго соблюдаютъ обряды православной церкви, мало, однако же, заботясь объ исполненiи самаго закона христіанскаго; напр. передъ праздниками и въ самые праздники грѣхомъ почитаютъ передъ св. иконами не зажечь свѣчей или лампады, и думаютъ, что они все исполняютъ по христіански; но того, что они не переставали злобиться на ближнихъ, осуждать и обижать другихъ и дѣлать другія дѣла, противныя любви христіанской,—грѣхомъ не считаютъ. А такое поведеніе развѣ не похоже на фарисейское? Мы не даемъ десятой изъ имѣнiя нашего части на церковь, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ насъ дѣлаютъ большія или меньшія пожертвованiя въ храмъ Божiй и почасту хвалятся своею жертвою. А развѣ не такъ поступали фарисеи? Два дня въ недѣлѣ мы обязаны проводить въ постѣ, по уставу Церкви, которыхъ, правду сказать, многіе не проводятъ по постному. Между тѣмъ нѣкоторые, нисколько не воздерживаясь отъ излишняго употребленiя пищи и питья въ среду и пятокъ, еще понедѣльникъ обращаютъ въ день постный, пресыщаясь и въ этотъ день также вкусною и разнообразною пищею, а при случаѣ и выпиваютъ безъ мѣры. А такой постъ не есть-ли фарисейскiй? Мы подаемъ милостыню бѣднымъ не всегда по средствамъ своимъ, а по желанiю и усердiю. Между тѣмъ нѣкоторые изъ насъ,—если не многіе,—оказывая скудную помощь нищимъ изъ богатаго своего состоянiя, думаютъ, что они чрезъ то благоугождаютъ Богу, не обращая, однакоже, вниманiя на то, что не перестаютъ, такъ или иначе, безсовѣстно обирать своихъ ближнихъ и, такимъ образомъ, нечестнымъ путемъ увеличивать свое

состояніе, или должника своего, за ничтожный долгъ, готовы обратиться до нитки, забывъ о милосердіи и состраданіи къ несчастному. А такой милостиподавецъ истый фарисей и его милостыня въ полномъ смыслѣ фарисейская.

И тотъ фарисей, кто осуждаетъ и осмѣиваетъ добрыхъ дѣла ближнихъ. Фарисей и тотъ, кто самъ, будучи не чистъ и грязень по жизни и дѣламъ, готовъ бичевать другихъ за малыя преступленія и забросать камнями. Фарисей тотъ, кто только себя считаетъ человѣкомъ и потому гордо и съ презрѣніемъ относится къ ближнимъ, никого не поставляя выше себя ни по уму, ни по жизни, ни по дѣламъ. Фарисей тотъ, кто любитъ наставлять другихъ; но самъ ни сколько не заботится объ исполненіи того, чему другихъ поучаемъ. Фарисей тотъ, кто любитъ, чтобы только его слушали, чтобы только его слова считали закономъ, но самъ не можетъ терпѣть даже добрыхъ внушеній, особенно противорѣчій его словамъ и обличеній. Фарисей тотъ, кто на людяхъ говоритъ о ближнемъ своемъ съ доброй стороны, радуется его благополучію, сострадаетъ и собогдѣзнуеть о его несчастіи; а тайно старается вредить ближнему, радуется его скорбямъ и мучится отъ его благоденствія. Наконецъ, тотъ фарисей, кто осмѣиваетъ и осуждаетъ благочестно стоящихъ въ церкви, не понимая того, что въ церковь ходятъ не для чего другаго, а для молитвы, для благоговѣйнаго поклоненія Богу и свитымъ Его, для исповѣданія предъ Отцемъ небеснымъ во грѣхахъ, для благодаренія Бога за Его къ намъ благодѣянія и т. далѣе.

Теперь видите, братъ, кто между нами фарисей. Это—не тѣ, которыхъ мы не справедливо привыкли называть фарисеями, а тѣ, которые другихъ клеймятъ этимъ именемъ. А потому, вмѣсто того, чтобы бесполезно слѣдить за жизнью и дѣлами нашихъ ближнихъ и осмѣивать ихъ поведеніе, лучше будемъ смотрѣть за самими собою и почаще и внимательно разсматривать свою жизнь,—не имѣеть-ли она сходства съ фарисейскою. Если же мы, по дѣламъ нашимъ, дѣйствительно фарисей, то возвѣщенное Христомъ Спасителемъ древнимъ фарисеямъ горе постигнетъ и насъ въ жизни будущей.....

Вы же, любящіе благочестно вести себя въ церкви и благоговѣнно молиться въ богослуженіемъ, не ослабѣвайте въ этомъ добромъ дѣлѣ. Пусть надъ вами смѣются и издѣваются, осуждаютъ и поносятъ васъ,—не огорчайтесь этимъ, а напротивъ радуйтесь. *Блажени есте*, говоритъ Господь, *егда поносятъ вамъ* за добрыя дѣла. Особенно вы, обременные грѣхами, молитесь, кайтесь и плачете въ церкви о грѣхахъ вашихъ. Какъ баня устроена для омовенія тѣла отъ нечистоты, такъ и церковь, эта баня духовная, устроена для молитвы, покаянія и слезъ, словомъ для очищенія души отъ грѣховъ. Ходите же каждое воскресенье и каждый праздникъ въ церковь для омовенія грѣховъ своихъ слезною молитвою, и надѣйтесь, что Господь помилуетъ и спасетъ васъ. Аминь.

Священникъ *Іоаннъ Лозинскій*.

Слобода Уразова,
Валуевского уѣзда.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

О порядкѣ производства выборовъ на должность депутатовъ по духовно-училищнымъ дѣламъ.

(Распоряженіе новгородскаго епархіальнаго начальства)

Определеніемъ новгородской консисторіи отъ 29 января—10 февраля сего 1876 года, утвержденнымъ преосвященнымъ викаріемъ 12 тогоже февраля, установлены слѣдующія правила касательно производства выборовъ на должность депутатовъ по духовно-училищнымъ дѣламъ: 1) Въ повѣсткѣ о собраніи для выбора благочинный сообщаетъ священно-церковно-служителямъ, что на избирательномъ собраніи должны быть всѣ лица, имѣющія право участвовать въ баллотировкѣ; что законными причинами, по которымъ священно-церковно-служитель можетъ не быть въ собраніи и не участвовать въ выборахъ, признаются только слѣдующія причины: а) исполненіе

особенныхъ и неотложныхъ обязанностей по службѣ; б) болѣзнь; в) производство дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, когда для сего необходимо личное того или другаго члена присутствіе; г) смерть или тяжкая болѣзнь кого изъ ближайшихъ родственниковъ; д) какое либо важное случившееся въ домѣ несчастіе и наконецъ е) когда священно-церковно-служителю болѣе 60 л. отъ роду (т. III, к. 2, ст. 106); что лицо не имѣющее возможности быть въ избирательномъ собраніи, должно письменно извѣстить о томъ благочиннаго. 2) Въ собраніи благочинный долженъ предложить на общее обсужденіе причины, по которымъ отсутствующіе не могутъ лично участвовать въ выборахъ, а собраніе съ своей стороны обязано сдѣлать письменное постановленіе о томъ, признаетъ ли оно, или не признаетъ заслуживающими уваженія показанныя причины отсутствія. 3) Предъ баллотировкою благочинный долженъ разъяснить священно-церковно-служителямъ, что избраніе на службу по дѣламъ духовно-училищнымъ не есть такое ничтожное дѣло, которое должно быть исполняемо только для формы и потому можетъ быть исполняемо кое-какъ; напротивъ оно есть дѣло серьезное и по своимъ послѣдствіямъ весьма важное для самаго духовенства; ибо лица, избираемые для означенной цѣли, могутъ или способствовать благосостоянію училища, слѣдовательно—благосостоянію дѣтей, въ немъ обучающихся, а чрезъ нихъ и благу самихъ родителей, или дѣйствовать ко вреду училища, слѣдовательно—ко вреду дѣтей, ко вреду отцовъ; потому къ избранію такихъ лицъ нужно относиться съ тою добросовѣстностію и тѣмъ сочувствіемъ, какихъ требуетъ важность назначенія такихъ лицъ и тотъ особенно важный интересъ, какой духовенство имѣетъ въ хорошей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ своемъ училищѣ. Въ виду сего, уклоненіе отъ баллотировки безъ уважительной причины допускаемо быть не должно, и какъ присутствующіе, такъ и отсутствующіе изъ лицъ, нежелающихъ баллотироваться, обязаны заблаговременно увѣдомлять собраніе о своемъ нежеланіи, чтобы причины нежеланія могли быть обсуждены общимъ голосомъ. 4) Въ актѣ избранія должно быть показано число голосовъ, участвовавшихъ въ собраніи и 5) Подписи должны быть дѣ-

лаемы всѣми священно-церковно-служителями, участвовавшими въ баллотировкѣ, какъ подъ актомъ, такъ и на баллотировочномъ листѣ.

СРЕДСТВО КЪ ОТКРЫТИЮ ПОДДѢЛКИ ВОСКОВЫХЪ СВѢЧЪ.

Передаемъ священно-церковно-служителямъ средство къ открытію поддѣлки восковыхъ свѣчей, сильно распространившейся въ последнее время. Средство это сообщено въ „Курск. еп. вѣд.“ — Пчелиный воскъ, по своимъ какъ химическимъ, такъ и физическимъ свойствамъ, даетъ намъ возможность открыть примѣси, въ немъ заключающіяся. Въ химическомъ отношеніи пчелиный воскъ представляетъ собою смѣсь жирныхъ кислотъ съ незначительнымъ количествомъ смолистыхъ веществъ; послѣ удаленія послѣднихъ веществъ, т. е. очищенія, воскъ принимаетъ, болѣе или менѣе бѣлый, цвѣтъ съ желто-синеватымъ оттѣнкомъ. Основываясь на химическомъ составѣ воска, присутствіе разныхъ примѣсей въ немъ узнается слѣд. образомъ: а) *парафина и др. примѣсей*. На одну извѣстную часть воска берутъ равную по вѣсу часть поташа; обѣ эти части кладутъ въ горшокъ или склянку съ кипяченою водою и продолжаютъ кипяченіе до тѣхъ поръ, пока не прекратится выдѣленіе пузырьковъ. Если не было никакой примѣси въ воскѣ, вся масса должна распускаться въ водѣ, какъ мыло; въ противномъ же случаѣ послѣ охлажденія остается слой употребленной примѣси; б) *японскаго воска*. Берутъ 10 гр. изслѣдуемаго воска и прибавляютъ къ нему 1 гр. обыкновенной соды; то и другое вещество кипятятъ въ водѣ не болѣе одной минуты, при чемъ растительный воскъ обмыливается, чистый же воскъ остается необмыленнымъ; (*) в)

(*) Нужно замѣтить впрочемъ относительно растительнаго воска, что въ черниговской епархіи на свѣчномъ заводѣ епархіальнымъ съѣздомъ и епархіальнымъ начальствомъ разрѣшено подмѣшивать его въ пропорціи отъ 5 до 8 ф. на пудъ пчелинаго воска. Черниг. еп. изв. № 12.

присутствіе сала узнается кипяченіемъ со спиртовымъ растворомъ йодкаго натра въ теченіи 5 минутъ, причемъ сало обмыливается, воскъ же остается необмыленнымъ; г) для опредѣнія *стеариновой кислоты* кипятятъ испытуемый воскъ съ 20 объемами спирта въ теченіе 4-5 минутъ, жидкость охлаждають въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, потомъ процеживаютъ и процеженную жидкость смѣшиваютъ съ водою. Цератиновая кислота—главное составное начало воска—осаждается уже при охлажденіи спиртового раствора; стеариновая же кислота, оставаясь въ растворѣ въ нѣкоторомъ количествѣ, даетъ съ водою молочнаго цвѣта муть.—Самое обыкновенное средство къ открытію въ воскѣ присутствія парафина слѣд: если взять 33-хъ градусный (по Траллесу) спиртъ и опустить въ него чистый воскъ, то онъ будетъ тонуть въ спиртѣ; если же опущенный воскъ будетъ стоять на поверхности спирта, то это будетъ значить, что къ воску примѣшанъ парафинъ.—По внѣшнимъ физическимъ свойствамъ воскъ узнается такъ: чистый воскъ при переламываніи его даетъ изломъ раковистый и правильный; при обдѣлкѣ онъ болѣе пластиченъ и тягучъ, чѣмъ воскъ съ какими-нибудь примѣсями; при давленіи между пальцами издаетъ всегда медовый запахъ, даже при треніи о дерево легко проникаетъ въ растительную древесную клѣточку, при треніи же о бумагу оставляетъ особенно нѣжный слой безъ всякихъ видимыхъ неровностей; будучи натираемъ о нитку издаетъ особенный какой-то скрипъ, не отдѣляя при этомъ легкихъ частицъ изъ всего состава (какъ это бываетъ при натираніи нитки смѣсью воска и парафина); вытянутый въ проволоку чистый воскъ пластиченъ, твердъ, не ломается, горитъ желтоватымъ пламенемъ и не течетъ. Кромѣ того, свѣчи, выработанныя съ примѣсью керосина и др. веществъ, горятъ нѣсколько скорѣе, чѣмъ чисто восковыя; въ первыхъ притомъ свѣтильня ставится толще, иначе тонкая не въ состояніи будетъ вбирать расплавленный горѣніемъ воскъ. Наконецъ подѣльные свѣчи болѣе коптятъ, чѣмъ изъ чистаго воска, и при горѣніи, особенно при многолюдномъ стеченіи народа, очень часто совершенно нагибаются въ сторону, тогда какъ сдѣланныя изъ чистаго воска стоять прямо.

Правила при разрешеніи споровъ, возникающихъ между выходящими и поступающими на ихъ мѣста священно-церковно-служителями изъ-за домовъ и другихъ построекъ и проч.

Имѣя въ виду, что почти всякій разъ при переходѣ священно-церковно-служителей отъ одной церкви къ другой, между предшественникомъ и преемникомъ возникаютъ споры относительно домовъ и построекъ и т. п., а благочинническіе совѣты, при разрешеніи спора, почти всякій разъ или не рѣшаютъ его, или по недоразумѣнію, разрѣш. его, впадаютъ въ неправильности и ошибки, вѣдѣствіе чего консисторія (Новгородская) вынуждена бываетъ дѣла, разсмотрѣнныя совѣтомъ, снова пересматривать и перерешать, консисторія признала за необходимое установить постоянныя правила для руководства благочинническихъ совѣтовъ, какъ при рѣшеніи споровъ относительно домовъ и построекъ, оставляемыхъ на церковной землѣ выходящими изъ церкви членами причта, такъ и при опредѣленіи платы въ вознагражденіе священно-церковно-служителей или ихъ семействъ, за землю пахатную или сѣнокосную. Правила эти, по утвержденіи ихъ Его Высокопреосвященствомъ, (Высокопр. митроп. Исидоромъ) печатаются ниже, къ свѣдѣнію и руководству благочинническихъ совѣтовъ.

1) Если кто-нибудь изъ священно-церковно-служителей, переходя отъ одной церкви къ другой, оставляетъ на церковной землѣ домъ и другія постройки, выстроенныя изъ матеріала, пріобрѣтеннаго на собственные средства, то благочинному вмѣняется въ обязанность располагать приходское попечительство, или прихожанъ, чтобы домъ съ постройками пріобрѣтенъ былъ на средства попечительства или прихожанъ въ собственность церкви, для помѣщенія преемника выбывшему члену причта.

2) Если попечительство и прихожане окажутся для покупки построекъ несостоятельными, а въ церкви есть достаточная свободная сумма, то покупка построекъ можетъ быть сдѣлана на церковныя деньги съ обязательствомъ прихожанъ, чтобы они повременно выплачивали затраченную на постройки сумму, или даже безъ обя-

- зательства, если сего послѣдняго прихожане на себя не примутъ.
- 3) Можетъ, если пожелаетъ, купить постройки на свои средства и членъ причта, поступающій на мѣсто выбывшаго.
- 4) Стоимость построекъ, кто-бы ни покупалъ ихъ, попечительство ли, прихожане или церковь, или членъ причта, во всякомъ случаѣ, опредѣляется комиссіею, составленною изъ священно-церковно-служителей, старосты церковнаго и почетнѣйшихъ прихожанъ.
- 5) Хозяинъ обязывается продать постройки по цѣнѣ, назначенной комиссіею, а въ случаѣ несогласія на эту цѣну постройки свои съ церковной земли долженъ снести.
- 6) Если постройки не могутъ быть куплены ни въ церковь, ни въ собственность кого-либо изъ причта, то онѣ могутъ оставаться на своемъ мѣстѣ въ томъ случаѣ, когда между перемѣняющимися по церкви членами состоитъ добровольное соглашеніе такого рода, что предшественникъ предоставитъ преемнику своему право, на опредѣленный по взаимному условію срокъ, пользоваться безплатнымъ помѣщеніемъ въ его домѣ, а по прошествіи назначеннаго срока обязется продать, или снести свои постройки.
- 7) Если означеннаго въ предыдущемъ пунктѣ соглашенія между выбывшимъ отъ церкви и новоопредѣленнымъ къ ней членомъ не состоитъ и послѣдній потребуетъ, чтобы церковное мѣсто занятое постройками перваго, было очищено, то требованіе это должно быть исполнено въ теченіе не болѣе двухгодичнаго срока.
- 8) Въ случаѣ ненадобности мѣста, занятаго постройками выбывшаго, ни для поселенія кого либо изъ штатныхъ членовъ причта, ни для водворенія на немъ кого-либо изъ заштатныхъ священно-церковно-служителей, состоявшихъ на службѣ въ томъ же приходѣ, или ихъ вдовъ и сиротъ (§ 8 правилъ 1873 г.), означенныя постройки могутъ оставаться на своемъ мѣстѣ, если всѣ члены причта и церковный староста согласны будутъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, обратить землю, состоящую подъ тѣми постройками, въ церковную оброчную статью, какъ то дозволяется § 6 правилъ Высочайше утвержденныхъ 24 марта 1873 года.

9) За содержаніе на церковной землѣ построекъ выбывшій платитъ аренду, по назначенію комиссіи. Аренда сія поступаетъ въ пользу новоопредѣленнаго къ церкви члена, если онъ не имѣетъ усадебнаго участка, или въ пользу всего причта, если новоопредѣленный имѣетъ на свою долю особенный участокъ усадьбы.

10) Всякаго рода постройки, сдѣланныя священно-церковно-служителями изъ церковнаго лѣса, составляютъ собственность церкви; потому онѣ переходятъ отъ выбывающаго члена къ его преемнику: при семъ первый вознаграждается со стороны послѣдняго за вырубку, вывозку лѣса и поставку построекъ такую суммою, которая опредѣляется или взаимнымъ ихъ соглашеніемъ, или комиссіею.

11) Арендная плата, которая должна быть назначаема по требованію § 23 правилъ, Высочайше утвержденныхъ 24 марта 1873 года, назначается комиссіею, въ составъ которой, кромѣ священно-церковно-служителей и церковнаго старосты, должны быть приглашаемы лучшіе изъ прихожанъ.

(Распоряж. Новгор. Епарх. Нач.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА ЯНВАРСКАЯ КНИЖКА

„ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ“.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Слово въ день св. апостола Іоанна Божьего, Архіеп. Вольнскаго.—II. Теологическая идея и матеріализмъ. В. Д. Кудрявцева-Платонова.—III. Три силы. Публичное чтеніе Вл. С. Соловьева.—IV. О недоумѣніяхъ, вызываемыхъ рус-

нескимъ переводомъ св. книгъ ветхаго завета. П. И. Горскаго-Платонова.—V. Слово въ день годичнаго праздника Моск. Д. Семинаріи. П. М. Апостольскаго.—VI. Современная ученость и христіанство. По поводу книги Дрэйера „Исторія столкновеній между религіею и наукою“. П. А. Милославскаго.—VII. Наше духовенство по произведеніямъ беллетристики: Изъ дня въ день. Записки сельскаго священника. NN.—VIII. Современное обозрѣніе: славянскій вопросъ. Свящ. М. М. Воздвиженскаго;—IX. Извѣстія и замѣтки: нѣсколько словъ о критикѣ въ нашей дух. журналистикѣ и особенно въ *Православномъ Собесѣдникѣ*.—Семейное воспоминаніе о преосвящ. Леонидѣ.

Православное Обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ, внутреннихъ и заграничныхъ.

выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкой 7 рублей.

Подписка принимается: въ *Москву*, у редактора журнала, священника при церкви Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго, и у извѣстныхъ книгопродавцевъ. *Иногородные* благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: въ редакцію *Православнаго Обозрѣнія* въ Москвѣ.

NB. Для иногородныхъ, особенно сельскихъ священнослужителей, наставниковъ и ученическихъ библіотекъ учебныхъ заведеній, *подписывающихся въ редакцію*, допускается разсрочка: 4 р. высылается ими при подпискѣ и 3 р. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Редакторъ-издатель. Свящ. П. Преображенскій.

Съ разрѣшенія ВЫСШАГО НАЧАЛЬСТВА въ С.-Петербурѣ нынѣ поступила въ продажу запрещенная московскимъ цензурнымъ комитетомъ новая книга:

„ЖИЗНЬ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА“

Соч. О. Ливанова (въ 3 частяхъ).

БЫТОВАЯ ХРОНИКА ИЗЪ ЖИЗНИ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

Одни порицанія огуломъ всего русскаго духовенства (чѣмъ всегда занималась и занимается доселѣ наша литература) мы считаемъ въ высшей степени обидными и несправедливыми въ отношеніи къ нашему духовенству, которое 1) несмотря на свою бѣдную и брошенность на произволъ судьбы, никогда не проповѣдывало той нравственной грязи и моральнаго растлѣнія, которыми ознаменовано наше время; 2) Когда еще не было ни земства, ни охотниковъ возиться съ темнымъ народомъ, оно однако обучало его безденежно, то при сторожкахъ церковныхъ, то въ своихъ убогихъ домахъ, жертвуя для того спокойствіемъ своей семьи. 3) Несмотря на притворное обращеніе съ нимъ помѣщиковъ, разныхъ управляющихъ, бурмистровъ, старшинъ и даже сельскихъ пастырей, оно неуклонно дѣлало свое дѣло и проповѣдывало съ кафедры церковной слово живаго Бога и христіанскую нравственность, такъ что имъ все-таки доселѣ держалась нравственная жизнь 50 миллионной массы русскаго народа. Вотъ почему мы рѣшились издать въ свѣтъ книгу, въ которой сочли обязанностію а) изложить всю несправедливость огульнаго обвиненія нашего духовенства, б) всю неестественность отношеній нашего общества къ духовенству; в) всю безучастность общества къ этому сословію частію по невѣжеству своему и предразсудкамъ, частію по собственному своему моральному растлѣнію. При этомъ мы рѣшились начертить идеаль сельскаго священника,

тѣмъ онъ долженъ быть, чтобы восторжествовать надъ давящимъ его со всѣхъ сторонъ гнетомъ и стать на то высокое мѣсто среди общества, которое ему указано Спасителемъ и христіанскою церковію.

ОГЛАВЛЕНІЕ КНИГИ. Часть I. Публичный экзамень въ семинаріи. 2) Разъѣздъ семинаристовъ на каникулы. 3) Свѣтское знакомство богослова Алмазова. 4) Рѣшеніе вопроса о томъ: идти ли въ академію, или жениться и быть сельскимъ священникомъ. 5) Духовенство при выборѣ невѣсть. 6) Архіерейская передняя. 7) Обрученіе. 8) Прогрессивныя дѣйствія архіерея. 9) Борьба свѣтской дѣвушки, рѣшившейся выйти замужъ за семинариста. 10) Приемное утро архіерейскаго эконома. 11) Прощаніе съ ректоромъ семинаріи. 12) Встрѣча молодого священника у своихъ родителей. 13) Приѣздъ священника въ свой приходъ. 14) Рѣчь священника на сельскомъ сходѣ. 15) Кабинетъ священника. 16) Волостной старшина; писарь и служебные сельскіе мірѣды. 17) Первая обѣдня священника въ приходѣ. 18) Первые враги, порожденные проповѣдію священника. 19) Первое знакомство священника съ помѣщиками—прихожанами. 20) Разговоръ ингилиста съ священникомъ. 21) Хорошие дни священника. 22) Изученіе сельскаго прихода. 23) Рѣчь священника при выборѣ гласныхъ въ земское собраніе. 24) Побирательство духовенства въ приходѣхъ. 25) Доносъ благочинному. 26) Личность благочиннаго стараго времени. 27) Послѣдствія перваго столкновенія молодого священника съ благочиннымъ. 28) Архіерей защищаетъ правду и поощряетъ благодарную дѣятельность. Часть II. 1) Славленіе духовенства въ приходѣхъ. 2) Священникъ полагаетъ начало сельской больницѣ и аптекѣ. 3) Открытіе приходскаго попечительства. 4) Первое засѣданіе попечительства и уничтоженіе кабаковъ. 5) Заговоръ противъ священника и новый доносъ на него. 6) Вызовъ въ консисторію и смѣна благочиннаго. 8) Красные въ земствѣ. 9) Знакомство съ священникомъ униженнымъ и оскорбленнымъ. 10) Рядъ проповѣдей священника, направленныхъ къ исправленію своихъ прихожанъ. 11) Пасхальные молебны. 12) Священникъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія въ своемъ приходѣ. 13) Постройка сельской школы. 14) Торжественное освященіе

училища. 15) Нигилисты проникают въ сельскую школу. 16) Народное развращеніе. 17) Молебствія- 18) Постройка больницы. 19) Приѣздъ архіерея въ село Быково. 20) Изгнаніе нигилистовъ изъ школы. 21) Устройство церковныхъ домовъ и переселеніе въ Быково родителей священника. 22) Введеніе выборнаго начала въ духовенствѣ. 23) Желанный день въ епархіи и 80-ти лѣтній священникъ. Часть III. Первые шаги благочинническаго служенія священника Алмазова. 2) Отверженная жена. 3) Житье-бытье пономарское. 4) Смерть старика Власа. 5) О діаконы въ домашнемъ своемъ быту. 6) Новые порядки священника при исповѣди. 7) Причастники и церковныя кажденія. 8) Трехлѣтіе священническаго служенія о. Алмазова и награды, присвоенныя духовенству нашему. 9) Оппозиціи противъ новаго благочиннаго и убійство помѣщика. 10) Борьба съ раскольничьимъ попомъ. 11) Москва, расколу глава. 12) Организованіе женою благочиннаго сидѣлокъ, больницы и богадѣльни. 13) Священникъ на пожарѣ. 14) Сельскій банкъ и деревенскій гостинный дворъ 15) Молодой прокуроръ и гласный судъ въ губервіи. 16) Кому церковь не мать, тому Богъ не отецъ. 17) Настоящій русскій вельможа. 18) Приютъ для нищихъ по случаю свадьбы. 19) Смерть жены священника. 20) Прощаніе священника съ своимъ приходомъ. 21) Поступленіе сельскаго священника въ духовную академію. Эпизодъ. На дорогѣ къ архіерейству.

Цѣна книги въ 3 частяхъ (съ переплетомъ въ изящныя въ нѣсколько красокъ крышечки съ политшажками) 1 р. 65 к., за пересылку 10 к. за экз. Всѣ 3 части составляютъ одну переплетную книгу. Адресъ: въ Москву, Гагаринскій переулокъ, домъ Ливанова.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ
продажу **НОВАЯ КНИГА:**

РИМСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ

ВЪ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

графа Дмитрія Андреевича **ТОЛСТАГО.**

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВЯТЫЙНАГО
Синода.

Томъ 1-й. Цѣна 5 р. съ подпиской на 2-й томъ, а по выходѣ
2-го 6 р. за оба тома.

Лица духовнаго вѣдомства и учебныя заведенія, обращающія-
ся непосредственно въ складъ изданія, платять 5 руб. за оба тома
и по выходѣ 2-го. Томъ 2-й выйдетъ въ ноябрѣ сего года. (Гг.
иностранцые благоволятъ прилагать на пересылку за 4 фунта.

Складъ изданія (Спб. Новый переулокъ. д. № 7, Типографія
В. Ѳ. Демакова .

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА:—I. Покушенія римскаго двора со-

вратить Россію въ римскій католицизмъ, съ десятого до конца шестнадцатаго столѣтія.—II. Царь Іоаннь IV Васильевичъ и іезуитъ Поссевинъ.—III. Участіе римскаго католицизма въ смутахъ Россіи въ началѣ семнадцатаго столѣтія.—Посольство царя Алексѣя Михайловича въ Римъ.—IV. Римскій католицизмъ въ Россіи отъ царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей до воссоединенія съ нею западнаго края.—V. Историческій обзоръ римскаго католицизма въ Литвѣ подъ владычествомъ Польши.—VI. Историческій обзоръ римско-католическихъ енархій въ Литвѣ. Заключение первой части.—Приложенія 1—23.

СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА:—VII. Состояніе латинской Церкви въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II.—VIII. Состояніе римско-католической Церкви въ Россіи въ царствованіе императора Павла.—IX. Состояніе управленія латинскимъ духовенствомъ при императорѣ Александрѣ I.—X. Іезуиты при императорѣ Александрѣ I.—XI. Управленіе римско-католическимъ духовенствомъ по изгнаніи іезуитовъ.—Состояніе бѣлаго духовенства при Императорѣ Александрѣ I.—XII. Монашескіе ордена въ царствованіе императора Александра I.—XIII. Общій взглядъ на положеніе латинскаго духовенства въ царствованіе императора Александра I.—Пропаганда и ея способы.—Установленный порядокъ сношенія духовенства съ римскимъ дворомъ. XIV. Состояніе армяно-католической и греко-уніатской Церквей въ царствованіе императора Александра I.—XV. Сношенія русскаго кабинета съ римскимъ дворомъ при императорѣ Александрѣ I.—Заключеніе.—

Приложеніи 1—33.—Алфавитный списокъ лицъ, упоминаемыхъ въ
обоихъ томахъ.

Вышли въ свѣтъ: СЛОВА, ПОУЧЕНІЯ И РЪЧИ
Леонтія Архіепископа Холмскаго и Варшавскаго.

Изданіе второе, значительно дополненное. Томъ I, стр.
1—VIII и 368. Томъ II, стр. 1—VIII и 376. С.-Петербургъ
1876 г.

Цена за оба тома 3 рубля.

— За пересылку за 4 фунта; выписывающіе не менѣ 5
экземпляровъ за пересылку не платятъ.

Можно получать у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ
С.-Петербурга, Москвы и Варшавы и въ канцеляріи Его
Высокопреосвященства въ Варшавѣ.

СОДЕРЖАНІЕ — О сравнительномъ достоинствѣ домашняго и обще-
ственнаго воспитанія. — СЛОВО въ недѣлю мытаря и фарисея. — Разныя
извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Димитрій Истоминскій*.

Печ. дозв. Цензоръ Магистръ Протоіерей *И. Налишкинъ*. Февраля 15 дня 1877 г.

Воронежъ. Въ типографіи В. И. Писаева.